

Фурия разрушения

К критике понятия терроризма

Герхард Шайт

2007

Кто стесняется говорить о Зле в политике, т.к. это звучит как-то несерьёзно, тот говорит о терроризме. Это производит впечатление компетентности, но тем не менее служит той же цели: установить гармонию там, где её нет — гармонию сил Добра, объединившихся в борьбе против терроризма. Ради этой цели понятие служит общим местом для всякого насилия, которое исходит не от государства, но преследует политические цели. Какие это цели, об этом не говорится.

Так всё-таки можно обозначить, насколько рэкифирская (1) власть — непосредственное принуждение и личностная зависимость в форме политических банд — заступает на место государства. Но становится неясным то, что та монополия на насилие, утверждающая право, сама некогда произошла из власти рэкифиров и их терроризма. (2) Способность политического суждения, различающая между государствами, не забывая при этом, что все они — говоря вместе с Гоббсом — являются «чудовищами», должна также доказать свою способность и в случае с террористическими организациями — в зависимости от того, являются ли они преданными приверженцами разрушения во время кризиса накопления капитала или противостоят ему в какой-то определённый момент.

Феноменология террора

Кто говорит о терроризме, обычно ставит разрушение, соразмерное лежащим вне его целям, и «annihilation for the sake of annihilation, murder for the sake of murder» (E. L. Fackenheim) на одну ступень. Различия между якобинским террором и антисемитским погромом, убийством определённых политиков и вдохновлённым исламом массовым убийством понимаются как второстепенные.

Таким образом, понятие оказывается легитимным ребёнком теории тоталитаризма. В то время как эта теория уравнивает национал-социализм и сталинизм, её отпрыск очевидно не допускает различий между насилием как политическим средством и насилием как самоцелью. При помощи его сегодняшнее буржуазное общество скрывает своё террористическое происхождение в былых революциях, которые ещё называли ужас, распространяемый ими, по имени. La terreur начался со штурмом Бастилии: с отменой монополии на насилие и разделения армии и мирного населения посредством вооружения масс, из которых возникли разные террористические

группы и благотворительные объединения, называвшиеся братствами, политическими клубами и *sociétés populaires*. Соперничество этих банд восторжествовало над разделением власти: «свобода» и «равенство», т.е. эмансипация индивидов из сословных рамок и примитивных сообществ, смогли стать предпосылкой «братства», т.е. непосредственного принуждения и насилия, которое они применяли как в своих собственных рядах, так и против друг друга. (Ибо жаргон «братства» не делает различий между необходимой помощью и политическим принуждением). Эта бурная гражданская война политических банд, однако, стала настоящей революцией государства, т.к. из террора банд родилась не только новая монополия на насилие, но и этот суверен мог быть потенциально призван на помощь каждым как гарант свободы и равенства.

Это и было тем, что восхищало Гегеля в терроре: что он является предпосылкой буржуазного общества. Причём немецкий философ понимает результаты войны банд как негативную волю духа: «Только тогда, когда она что-то разрушает, эта негативная воля обретает чувство своего существования; оно, кажется, подразумевает достижение некоего позитивного состояния, например, всеобщего равенства или всеобщей религиозной жизни, но на самом деле оно не желает позитивной реальности этого, ибо оно тут же создаст некий порядок, некое отстранение как от учреждений, так и от индивидов; но из отстранения и объективного определения, из их уничтожения эта негативная свобода и черпает своё самосознание. Так, то, чего она, якобы, желает, само по себе лишь его абстрактное представление и воплощение, может быть только фурией разрушения». Фанатизм террора, таким образом, желает «абстрактного, никакого расчленения; там, где проявляются эти различия, она видит их в противоречии к своей неопределённости и упраздняет их. Поэтому народ во время революции снова разрушает учреждения, которые были созданы им самим, поскольку всякое учреждение противоречит абстрактному самосознанию равенства». Посему для Гегеля времена террора являются неизбежной стадией духа, в преодолении которой воплощается истинная идея — буржуазное право. Само преодоление кажется неизбежным, как таковое оно уже заложено в самом понятии: «Я не просто хочу, я хочу чего-то. Воля, желающая (...) только абстрактно-общего, не хочет ничего и поэтому не является волей».

То, что заложено в гегелевском понятии, давно уже осуществил Наполеон: его политика снова хотела чего-то и превратила террористическую власть в тягу к завоеваниям. Ориентация на французский мировой разум верхом на коне сделала возможным даже для немецкого философа-идеалиста интегрировать волю к Ничто — ставшую самостоятельной уже у его предшественника Фихте — в божественный план спасения: эта воля, поучает Гегель, следуя событиям Французской революции, всё-таки не может стать самостоятельной, или, говоря иначе, по-гегельянски, его самостоятельность превращается в волю к праву. У Гегеля это происходит так же автоматически, как движется сам мировой разум. Хотя Гегель и признаёт значение закона как «заслона», «который не переступают фальшивые братья и друзья так называемого народа». Но почему правовое государство, а не государство-уничтожитель вышло из революции, или говоря иначе: почему уничтожение, принесённое Наполеоном в Европу, совпало с распространением *code civil*, а освободившаяся от всякого права страсть к уничтожению фальшивых братьев и друзей так называемого народа расцвела лишь

в виде реакции на Наполеона, об этом мы ничего не узнаём из ставшего самостоятельным понятия воли, каким его создал Гегель, и который тем не менее кажется префигурацией сегодняшнего понятия терроризма.

Гегель говорит, что воля, желающая лишь общего, ничего на самом деле не желает, т.е. волей не является. Но почему она тогда функционирует так, будто она является волей? С точки зрения политики, всё зависит от того, как она формулирует абстрактно-общее, которого она желает; насколько она, когда она говорит о праве, о народе и о человечестве, признаётся себе в абстракции — или симулирует конкретное, частное: субстанцию народа или религии, сообщество родства или веры. Она может сделать это лишь тогда, когда она избавляется от абстрактно-общего, которого желает, тем, что переносит его на конкретное, в котором она преследует реальных конкретных индивидов как абстрактное общее. Для этого необходима, говоря психологически, патологическая проекция; говоря с моральной точки зрения — ложь; с точки зрения критики идеологии — собственная ложь, в которую её субъект верит сам.

Французские революционеры, предводители власти террористических банд, были всё же слишком честными, проецировали слишком мало, на самом деле не верили в свою ложь. Когда они говорили «народ», всегда слышалось «общее», «человечество», патриотизм означал любовь к людям (Камиль Десмулен), и это человечество оставалось пред лицом существующих банд таким же абстрактным как и право, открыто признающим свою абстракцию. В этом, в этой честности, распространяемый ими ужас оставался чем-то гуманным. Человечество призналось таким ужасным образом — Маркс и Энгельс приветствовали в этом «революционный терроризм», что её ещё не существовало; что оно существовало в этой форме абстрактного общего, пожирающего каждого отдельного человека: в форме государства и капитала.

Фальшивые братья и друзья народа

Но Гегель всё же безошибочно раскрыл то, что террористическое утверждение буржуазного порядка уже несёт в себе потенциал, означающий уничтожение во имя уничтожения. Таким образом, разделение между этими двумя порядками было бы невозможными, более того: его каждый раз приходилось бы политически устанавливать заново, если непредставимое должно быть предотвращено и человечество не должно разрушить само себя вместо того, чтобы воплотиться; и внос Гегеля в это необходимое политическое различие был его философией права, перед которой остановились те самые фальшивые братья и друзья так называемого народа. Воля, желающая только абстрактно-общего, эта воля, возникшая в Французской революции, чтобы исчезнуть в тот же самый момент, обосновалась в Германии. Но немецкий философ права предполагал снять эту волю после того, как он рассмотрел её почти изолированно, раз и навсегда в объективном разуме, в государственной идее, подобной французскому государству, когда оно покончило с властью террора при помощи гражданского кодекса. На самом же деле в стране, в которой размышлял Гегель, фальшивые братья и друзья народа не намеревались останавливаться перед законом, напротив — они поняли как, наконец-то, использовать его в целях уничтожения ради уничтожения.

Эта желающая лишь абстрактно-общего воля, триумфирует во время кризиса капиталистического накопления в форме национального: в виде субъекта воли возник

немецкий или арийский «изначальный народ», к которому взывал ещё Фихте в своих речах к немецкой нации. Лишь в немце проявляется «божественное», а «изначальное» оказало ему честь сделать его средством своего непосредственного проникновения в мир; поэтому оно и дальше будет производить из этого народа божественное. Действуя таким образом, жертвуя собой для него. Жизнь как просто жизнь, как продолжение переменчивого бытия, никогда не представляла для него ценности, оно только использовало его как источник бытия; но это бытие обещается ему только самостоятельным существованием его нации; дабы сохранить её, он должен даже хотеть своей смерти, лишь бы она жила, а он жил в ней ту единственную жизнь, к которой он был способен». В «рассудке» этого буржуа «живёт любовь к целому, членом которого он является, к государству и родине и уничтожает всякий эгоистический импульс». Этот эгоистический импульс, в свою очередь, в голове немецкого народно-го философа отображается как абстрактно-общее, которое следует уничтожить, он отображается как идея, неотделимая от физического существования евреев: поэтому, чтобы предоставить евреям в Германии гражданские права, Фихте не видит «иногo средства, кроме как в одну ночь отрезать им всем головы, и посадить на их место другие, в которых нет ни малейшей еврейской идеи».

Это предвосхищаемый террор «немецкой революции», которая начала развиваться, когда общественные предпосылки для этого созрели. Немецкие террористические группы — от фрайкоров до национал-социалистических отрядов, возникших во время Первой мировой войны и объединяемых целью преследования и уничтожения евреев — смогли подготовить во время Веймарской республики почву для государства, которое в форме сконцентрированной и абсолютной власти банд нацелил всё общество на уничтожение.

«Миллионы человеческих тел будут разорваны и сожраны газом и сталью», писал Вальтер Беньямин в 1930-м году, когда он прочитал книгу Эрнста Юнгера, представлявшего немецкие террористические банды в литературе. Беньямин опознал в этих бандах «формации», являвшие собой под конец последней войны «что-то среднее между сектоподобными товариществами и регулярными представительствами государственной власти» и «вскоре обособившиеся в независимые негосударственные наёмные войска»; те граждане Германии, «для которых государство утратило авторитет как гарант их имущества, вполне оценили предложение этих группировок, которые всегда могли материально появиться как рис или свекла при содействии частных лиц или имперских войск». Могло ли объявление организованной такими группами войны произойти «в рамках международного права», неизвестно, но её окончание «больше не будет опираться на подобные рамки». С «различением на гражданское и участвующее в боевых действиях население» упраздняется «самое главное основание международного права». То, что, и как «дезорганизация», к которой приводит подобная война, грозит сделать её нескончаемой, продемонстрировала последняя.

Чего Беньямин не мог знать: что в следующей войне газ будет применяться в лагерях; что дезорганизация фашистских банд приобретёт в организации уничтожения евреев свою внутреннюю взаимосвязь.

Сопrotивление, восставшее затем — едва в Германии, но в различной степени в подвергшихся нападению странах — с оружием в руках против войны на уничтожение,

было «революционным терроризмом» в новом смысле этого слова и поспособствовало тому, чтобы всё-таки прекратить нескончаемую войну хотя бы временно и установить в форме так называемой Холодной войны некоторый фундамент для международного права. Для вооруженных сил союзников, как и для партизанских отрядов, какими бы конфликтными ни были их отношения, было важно то, чтобы нечто вроде революции вновь стало возможным. В фундаментальном смысле касается то же самое «Хаганы» и «Иргуна» в Палестине, которые при помощи автономии террористических групп против мандатной власти создали основания для того, чтобы возникло право в буржуазном смысле, защита которого гарантировалась бы для всех евреек и евреев и перед которым остановились бы фальшивые братья и друзья так называемого палестинского народа.

Такие бандформирования, установившие монополию на насилие, чтобы дать основание закону, следовали категорическому императиву, к которому вынудил людей национал-социализм: «в состоянии несвободы» (Адорно), которое определяется и подтверждается законом, сделать всё, чтобы Аушвиц не повторился. Этот императив ни в коем случае не является индульгенцией. Воспринимаемый дословно, он всё ещё отражается в том смысле, в каком политическое насилие в каждом отдельном случае применяется соразмерно вопросу, против кого конкретно оно применяется. Теракт «Иргуна» в иерусалимском отеле «Царь Давид» в 1946-м году отличается, таким образом, от исламистских терактов в отелях в Шарм эль-Шейх в 2005-м: отель в Иерусалиме был месторасположением британского военного командования, и чтобы избежать жертв среди гражданских — о чём часто охотно умалчивается — теракту предшествовало три предупреждения (у отеля, во французском консульстве и в «Palestine Post»); но теракты в туристических отелях в Египте, в которых, прежде всего, жили израильтяне, с самого начала были спланированы так, чтобы убить как можно больше гражданских.

Народ должен быть воплощён

Дабы установить между террором, создающим абстрактное право и знающим свои цели, и террором как самоцелью различие в политическом плане, как этого требует гегелевская философия права, экстренно необходимо сделать видимыми и денунцировать переходы между ними. Вероятно, это и было тем, что сподвигло Ханну Арендт под конец её книги «Элементы и истоки тотальной власти» заняться рассмотрением сталинизма, причём она конкретно указала на готовность Сталина учиться на антисемитизме Гитлера: в особенности «фиктивный мировой заговор по типу антиеврейского рессентимента» годится в виде пропаганды в странах, где распространён антиеврейский рессентимент. Антисемитская направленность сталинского террора вовне и вовнутрь показала, что в тенденции всяческое различие между фурией разрушения под знаменем социализма и аннигиляционной тягой национал-социализма, между порабощением, эксплуатацией и массовым убийством людей во имя всё более и более отдаляющейся производственной цели и целенаправленным уничтожением как самоцелью, т.е. во имя производства народного коллектива, исчезает.

Это вынудило критическую теорию к окончательному разрыву с Советским Союзом, а позднее — с бунтующими студентами в ФРГ. В этой связи показательным, что Хоркхаймер сначала диагностировал переход от революционного террора к фа-

шистскому к Хабермаса. Ссылаясь на восходящего аспиранта он писал (в письме к Адорно от 27.9.1958): «То, что сегодня следует защищать, кажется мне вовсе не снятием философии в революции, а остатками буржуазной цивилизации, в которой всё ещё гнездится идея личной свободы и справедливого общества»; напротив, «тот Гегель» оказывается прав, когда он «усматривал в жизни при хороших законах наименее ценнейшее наследство, которое можно получить. Если есть такие законы, то нужно их сохранить. Они подвергаются опасности». Философия же молодого Хабермаса аффирмативна, т. к. она фетишизирует «пролетариат, ‘массу населения’» как субстанцию вне критики, как истинное бытие: «Их структура остаётся незатронутой опытом понятийной — я говорю понятийной, а не только фактической — идентичности массового движения, манипуляции и ressentimentа». Ту же самую структуру Хоркхаймер, вероятно, усмотрел в «движении против атомного вооружения в ФРГ»: она походит, как значится в посмертно опубликованных записках — «уже подозрительно на массовое восстание против ливанского правительства, организованное господином Нассером. Примечателен не столько источник обоих феноменов у русских, сколько структурная схожесть всех этих сегодняшних движений (...) ‘Народ’ должен быть воплощён (...) Каждый должен встроиться в народ, враг — не столько ‘реакция’, о ней Сталин и Гитлер говорили в унисон, врагом, более того, служит обособленный индивид, чужак, космополит, колеблющийся, ещё могущий быть верным, т.к. он не обязывается, и последовательным, т.к. он не следует программам. Враг — это индивид, враг — это мы».

Эта структура левой начала раскалываться в 1968-м году на демократическое и террористическое крыло. Сам Хабермас, как известно, перешёл на сторону демократической фракции, спас свою академическую карьеру и подготовил почву для красно-зелёной внешней политики последующих десятилетий (3), которая существенно поспособствовала власти банд на Ближнем и Среднем Востоке и подтвердила оценку Хоркхаймера, пусть и вполне демократическим образом. Но то, что в активистском крыле, от которого Хабермас отрекся как от «левого фашизма», дремало террористическое насилие особого толка, мог заметить только тот, кто благодаря своему опыту во время национал-социализма приобрёл иное понятие фашизма — тот, кто больше не мог абстрагироваться от ситуации евреев после уничтожения, от ситуации израильтян. Незадолго до своей смерти Адорно писал Герберту Маркузе: «Я куда более тяжело воспринимаю превращение студенческого движения в фашизм, чем ты. После того, как во Франкфурте был обруган израильский посол, уверения, что это произошло не из антисемитизма, и представление какого-то израильского функционера ВпО (4) несколько не помогают. Тебе нужно было бы взглянуть в маниакально остекленевшие глаза тех, кто, возможно, ссылаясь на нас же, обратит свою ярость против нас».

И вновь кажется восстановленной конструкция, наподобие той конструкции из *contract sociale* Руссо и «Замечанием об исправлении суждений о Французской революции», между французскими якобинцами и немецкими антисемитами, временам террора и восстаниями «хеп-хеп» (5) — только размах насилия на стороне тех, кто намеревается отрезать головы евреям, если они добровольно не откажутся от своих гражданских прав в Израиле, стал куда больше. Переход стал настолько размытым, что среди левых едва ли возможно провести чёткую границу. Французская револю-

ция и немецкий погром объединяются в антисиионисте в политическую силу, которая оставляет позади даже мысленное противоречие, не отпуская даже Фихте при всей его ненависти к евреям и французам. Ибо конструкция повторяется в совершенно новых условиях: массовое уничтожение произошло и было создано еврейское государство. А фурия уничтожения, поставившая себе целью упразднить это государство, опирается на опыт того уничтожения: в нём, зафиксированном в роли евреев среди государств, желающая лишь абстрактно-общего политическая воля находит свой конкретный объект, но он, в конечном итоге, охватывает всех евреев мира. Ещё терактом против Дома еврейской общины в западном Берлине в ноябре 1969-го года часть немецких левых показала себя созревшими для коалиции с теми, кто готовит на Ближнем Востоке «второй Аушвиц» (Жан Амери). В одной листовке по этому поводу значилось: «Этот сорт невротического, обращённого в прошлое антифашизма не замечает в своей заикленности на историческом прошлом абсолютную нелегитимность государства Израиль. Истинный антифашизм означает сегодня открытую и недвусмысленную солидарность со сражающимися феодалами. Наша солидарность с ними больше не будет довольствоваться чисто вербальными протестами как с Вьетнамом, она будет беспощадно бороться с этой комбинацией из фашизма и израильского сионизма». В одном из заявлений «Фракции Красной Армии» (RAF), которую зачитал Хорст Малер на суде, убийство израильских спортсменов во время Олимпийских игр в Мюнхене в 1972-м прославлялось как «антифашистский поступок», а Израиль, якобы, «сжёт» своих спортсменов подобно тому, как нацисты сжигали евреев.

Адорно в то же время понимал, что между бунтом, начавшимся как студенческое движение и окончившееся как RAF, и опытом, которым могли поделиться он и прочие выжившие, был момент соприкосновения: «Насколько точно я знаю», писал он в 1968-м году Гюнтеру Грассу (не желавшему ничего знать ни о бунтующих студентах, ни об опыте преследования при национал-социализме), «что студенты занимаются псевдо-восстанием и обезболивают собственное понимание нереальности своей деятельности при помощи активизма, настолько же точно я знаю, что они (...) в позиции немецкой реакции заняли роль евреев». В этой позиции могло бы быть возможным объединение. Занять роль евреев даже в самой безобидной форме может быть достаточным импульсом, сделать их положение априорной точкой критики. В своей автобиографии Марсель Райх-Раники рассказывает, что Ульрика Майнхоф «была первым человеком в ФРГ, кто честно и всерьёз хотел услышать про мои переживания в Варшавском гетто». В псевдо-бунте, стремившемся разделаться со своей нереальностью при помощи насилия, среди прочего и мотив справедливого отношения к опыту евреев, и сколь ничтожны сомнения в том, что этот мотив был обращён антисиионистским безумием в свою полную противоположность — формулировки из листовки о «невротическом, обращённом в прошлое антифашизме» и «его заикленности на историческом прошлом», показывают насколько невротические формы он принял — столь же уверенно можно сказать, что его нельзя перепутать с дистанцированием от терроризма во имя государства. Как известно, это Хабермас посоветовал издательству «Суркамп» к публикации апологию террористического самоубийства, написанную Тедом Хондеричем. (6)

От движения за атомное разоружение к движению за атомное вооружение Ирана

Советский Союз был блокирован снаружи Холодной войной, а изнутри — своей собственной идеологией. Как непрестанная конкурентная борьба с Западом способствовала тому, чтобы абстрактно-общее вместо тотального уничтожения, для которого трудовых лагерях было собрано достаточно опыта, тоже измерялось в абсолютных цифрах, в которых должны были измеряться одновременно оборонная способность и воспроизводство общества пока СССР наконец-то догонит Запад — так и учение Маркса очевидно не позволяло даже в своём искажении, выразившемся в этом цифровом фетишизме, того уничтожения как самоцели, и, более того, ориентировалось на воспроизводство общества. Эта разница зачастую и наиболее ясно объяснялась с точки зрения понятия морали, т.к. с этой точки зрения можно было отличать государство, не отвечающее своим собственным принципам, от государства, соответствовавшее им вполне. Так, Жан Амери писал: «национал-социализм, не обладавший ни одной идеей, но зато целым арсеналом лжи, был единственной политической системой этого столетия, не только практикующей власть антилюдей, как и прочие красные и белые террористические режимы, но и открыто провозгласил её своим принципом». Причина, почему созданное сталинистской властью государство могло критиковаться с позиций его собственных предпосылок, заключалась в том, что оно основывалось не на идентификации своих граждан с уничтожением, а на договорённостях, остававшимися осознанными даже тогда, когда они нарушались. На договорённостях был основан «второй мировой рынок» (Ули Круг) и поэтому он позволял определённое цивилизационное развитие в некоторых регионах мира, равно как он был способен провести границу в переходах от революционного к а priori аннигиляционному террору, уже пробивавшего себе дорогу в антисемитской политике. И этим границы, наконец, были действительны даже для террористических банд, возникших в Германии после студенческого движения. RAF хотя и практиковала определённый культ смерти, но террористическое самоубийство как доминирующая форма действия лежала вне её представлений о политической борьбе. Но после того, как Советский Союз, а вместе с ним и весь блок «второго мирового рынка» распался, переходы в левых кругах стали настолько же размытыми, какими они издавна были у антисемитских антикапиталистов. Бойцы «Организации освобождения Палестины» (PLO) и баасистского режима, с самого начала называвшие себя «фидаинами» — приносящими себя в жертву, обретают себя в своих более успешных конкурентах: Жан Амери ещё в 1969-м году писал об «арабском фрайкоре» эль-Фатах. От обильной литературы «реального социализма» не осталось почти ничего, кроме берлинской газетки, тем более гордо публикующей статью предводителя «Хамас» (Исмаил Ханиджа: Оккупация должна быть окончена, Junge Welt, 25.4.2006); а от RAF, смогшей некогда напугать немецкое государство, ничего, кроме таких групп как «Antiimperialistische Aktion», собирающей пожертвования для иракского «сопротивления». Но берлинские публикации исламистского фюрера фрайкора и террористическо-благотворительная организация венского антиссионистского объединения, являющиеся всего лишь маргинальными феноменами, обнаруживаются посреди сообщества государств, тем более хитро развивающих коллаборационизм

во имя диалога или теории коммуникации, чем активнее они дистанцируются от терроризма. Фурия разрушения в Европе маскируется под богиню мира.

Перевод с немецкого.

(Из: Rote Armee Fiktion. (Hg.) Joachim Bruhn und Jan Gerber. Freiburg, 2007)

Примечания:

1) *Rackets* — дословно: «рэкетирские банды», термин, часто используемый в Критической Теории для обозначения до- или пост-государственных властных структур.

2) Макс Хоркхаймер попытался представить в общих чертах этот процесс, обретающий смысл, кстати, лишь в связи с Марксовой критикой политической экономики, в своих размышлениях о взаимосвязи между бандой вымогателей и правом: «Когда некая организация становится настолько могущественной, что она делает свою волю на определённой географической территории долговременным правилом поведения для всех жителей, человеческая власть принимает форму права. Оно фиксирует относительные властные отношения». Но как зафиксированный посредник «право, как и иные опосредования, обретает собственную природу и инертность. (...) Смысл и предназначение права служить ориентиром в общественной жизни обуславливает его слепоту по отношению к определённой личности и к прошлому, и его действительность для и против каждого, начиная с определённого дня вплоть до его официальной отмены. Инструмент власти противопоставляет себя ей в виде отражения, в котором она лишается своих покровов». — Г.Ш.

3) Красно-зелёная коалиция — имеется ввиду правительственная коалиция из СДПГ и партии «Зелёных» в ФРГ с 1998-го по 2005-й годы. «Прославилась», среди прочего, первым официальным задействованием немецкой армии за рубежом (в Югославии) и демонтажем социальной системы.

4) ВпО — Внепарламентская оппозиция (нем. АpО) — объединившиеся в 1966-м году против правительства левые и либеральные силы. Одна из важнейших организаций в немецком 1968-м.

5) Хеп-хеп-восстания — волна антисемитских погромов, начавшаяся в Южной Германии в 1819-м году, и распространившаяся на другие провинции.

6) Тед Хондериш — канадский философ (*1933). Имеется ввиду немецкое издание его книги «After the Terror», в которой он позитивно отзываясь о палестинском терроризме как о «моральном праве».

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Герхард Шайт
Фурия разрушения
К критике понятия терроризма
2007

<https://liberadio.noblogs.org/?p=1587>

ru.anarchistlibraries.net